

МАКСИМЫ АЛЕКСАНДРА ЗИМИНА: ПО ПОВОДУ КНИГИ «ХРАМ НАУКИ»

В статье предпринят анализ недавно опубликованной работы А.А. Зимина «Храм науки» как уникального историографического источника. На материалах книги рассматривается путь советской исторической науки в XX веке на примере существования и функционирования конкретного учреждения — Института истории Российской академии наук советского периода. Анализируются важнейшие требования к историку, принципы его деятельности в профессии. Вслед за автором книги, проследившим судьбы конкретных ученых-историков, раскрывается, как условия их жизни и творчества зависели в советское время от политических и идеологических кампаний, развернутых властью в 1930-е, 1940-е и послевоенные годы.

Зимин А.А., историография российской истории, источник, максимы как принципы, советская историческая наука.

...Я понял, что писать
надо только то, что никто,
кроме меня, не напишет.
А.А. Зимин

В 2015 году вышла в свет книга «Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века»¹. Основную часть этой книги составляет работа Александра Александровича Зимина «Храм науки», опубликованная полностью впервые спустя 40 лет после ее написания². Она немедленно вызвала целую бурю самых разных откликов историков — от крайне возмущенных до безусловно восторженных.

Целью и смыслом данной статьи явилась попытка уяснить место названной работы Зимина в нынешнем взгляде из нового века на состоявшийся путь историков века двадцатого. Кроме того, в настоящей статье я надеюсь осмыслить крайне важные, с моей точки зрения, требования к историку, сформулированные в «Храме науки» как неотъемлемые в профессии, и названные мной «максимами» А. Зимина.

А.А. Зимин (1920–1980) — один из корифеев отечественной медиевистики XX века — оставил большое творческое наследие, насчитывающее более полутысячи названий, часть которых стала известна читателям только после кончины ученого³. Имя Зимина — на титулах многих мемориальных изданий историков в России и за рубежом, его памяти посвящено несколько конференций, о его творчестве написаны десятки специальных статей, защищена первая диссертация⁴. Не было, пожалуй, ни одной исторической

¹ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. 440 с. URL: http://pimbook.su/pimbook.su/Zi-min_438.html

² «Храм науки» занял в сборнике объем в 349 страниц из 440; в сборник вошли еще несколько историографических, мемуарных, справочных и библиографических статей, а также предисловий составителя — А.Л. Хорошкевич.

³ Библиография трудов А.А. Зимина и о нем наиболее полно см.: Александр Александрович Зимин: библиографический указатель / сост. В. И. Гульчинский; вступ. ст. С.М. Каштанов. М.: РГГУ: Ист.-арх. ин-т, 2000 (далее — Библиографический указатель). Библиографию за последующие 2000–2014 годы, работы Зимина и о нем см.: Судьбы творческого наследия... С. 424–437.

⁴ Таковы, например, работы учеников и единомышленников А.А. Зимина С.М. Каштанова, В.Б. Кобрина, А.Л. Хорошкевич, А.А. Формозова и других; среди историков следующего поколения работы С.Н.

проблемы русской истории XIV, XV, XVI веков, по которой не высказался бы этот исследователь уже в 1950-е — первой половине 1960-х годов. А.А. Зимин обладал колоссальной, почти фантастической работоспособностью, накопил к тому же огромный археографический опыт по изданию источников XI–XIX веков.

Между тем творческая биография ученого имела конкретный переломный рубеж — 1964-й год, когда он выступил с концепцией, с его точки зрения, позднего происхождения (не XII века, а последней четверти XVIII в.), но гениального произведения «Слова о полку Игореве». В связи с этим историк стал, по выражению С.М. Каштанова, «опальным». Хотя он и «сохранил возможность работать дальше», «эпопея со “Словом” явилась переломным моментом в его судьбе»⁵. Концепция А.А. Зимина ассоциировалась для большинства советских историков с неприемлемым «скептицизмом», мнения о нем как о «восходящей звезде первой величины» сменились резким недовольством и неприятием многих⁶. Как пишет издатель «Храма науки» А.Л. Хорошкевич, в книге Зимина «...проходит характеристика поведения коллег — друзей и недругов — по отношению к автору, ученому «ретрику», осмелившемуся покуситься на национальную святыню культуры»⁷.

Но не об этом написан «Храм науки»!

Одна из особенностей опубликованной книги, на наш взгляд, это «максимы» А.А. Зимина, то есть, согласно энциклопедическому изданию, *основные принципы, которыми человек руководствуется в своих поступках*.

Книга открывается двумя авторскими предисловиями, датированными 3 и 28 июня 1976 года. В первом из них автор размышляет о науке и морали. Может ли ученый творить вне моральных ценностей? Если сфера науки — разум, а сфера морали — вера, то слугою разума или слугою веры является ученый? Но ученый не может просто взять и отвлечься от «добра» и «зла». С другой стороны, «если научный трактат превращается в молитву, — то наука на этом кончается». Вместе с тем «для науки о человеке аморальность исключена, ибо только ученый, любящий своего собрата... способен понять собрата, жившего сто или тысячу лет назад». «Речь — о духовном приобщении к людям прошлого...»⁸. Проверить труд ученого часто очень сложно, а поэтому возрастает его моральная ответственность.

Отсюда следует первый вывод — максима автора: «Честный же ученый должен нести свой крест Правды, зная, что он приведет его на Голгофу»⁹. В предлагаемых

Кистерева, Л.Н. Простоволосовой, А.М. Дубровского, И.Н. Данилевского, М.А. Базанова (полные библиографические списки см.: Библиографический указатель... С. 118–129; Судьбы творческого наследия... С. 426–437).

⁵ Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин (1920–1980) // Библиографический указатель... С. 26.

⁶ Там же. С. 27–28. Ныне история выступления Зимина по «Слову о полку Игореве» неоднократно описана (см.: История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: материалы дискуссии 1960-х годов / вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Л.В. Соколовой. СПб.: Пушкинский дом, 2010). Состоялось и академическое издание труда Зимина: Зимин А.А. Слово о полку Игореве / отв. ред. В.Г. Зимина, О.В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. В своем предисловии к последнему О.В. Творогов, убежденный сторонник «Слова...» как памятника древнерусской литературы, пишет: «А.А. Зимина нельзя упрекнуть в том, что какая-либо из проблем «слововедения», существенная для решения вопроса о датировке и атрибуции памятника, обойдена его вниманием. <...> Без ответа на все доводы и сомнения А.А. Зимина нельзя, на мой взгляд, в дальнейшем бестрепетно рассуждать о времени создания памятника» (С. 7). Новейшее продолжение проблема получила в работах А.А. Зализняка, открывшего аргументы в пользу древности «Слова...» (Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008).

⁷ Хорошкевич А.Л. Работа души и работа над стилем. История текста публикуемой редакции рукописи А.А. Зимина «Храм науки» // Судьбы творческого наследия... С. 32. А.Л. Хорошкевич здесь объясняет, что только ко времени третьей редакции «Храма...», то есть в последние годы жизни, когда травма осталась позади, Зимин, казалось, готов был отказаться от тех «щедрых прозвищ и оплеух», которые раздавал оппонентам в первой редакции, тех, которые теперь застыт глаза его нынешним оскорбленным читателям. Но, увы, последняя редакция, судя по всему, не состоялась до конца, и текст так и остался во многом «незавершенным и неполным».

⁸ Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия... С. 36–37.

⁹ Там же. С. 37. Развитие темы находим в книге В.Б. Кобринина «Кому ты опасен, историк?» (М., 1992. С. 131–218), ученика А.А. Зимина.

обстоятельствах XX века — на той самой, часто для историков «голгофе», — моральная ответственность за написанное и сказанное, по мнению Зимина, не отменяется.

Во втором предисловии от 28 июня 1976 года, которое сам автор озаглавил «На пороге Храма», образ Храма науки, ставшего сквозным гиперболизированным образом для всей книги, усложняется и одновременно конкретизируется: автор «вводит» в него историка¹⁰. Профессия историка — это «воскрешение» безвозвратно минувшего, прошедшего. Какая, на первый взгляд, чудесная, волшебная профессия! Она открывает, «творит» прошлое, скрытое от нас веками. Но для историка-«творца» много соблазнов отступить от правды и даже от найденной истины. «Образ Храма двоятся... Давно уже фарисеи стараются превратить... [историка] в бубен, кимвал звенящий...»¹¹. Да еще и *самоконтроль*, *самоцензура*! «Ослиная шкура прилипает к телу и отдирать ее приходится с кровью»¹². Кажется, нет спасенья... «И вдруг ты видишь, как откуда-то с мольбою в бесконечно печальных взорах к тебе обращены лики...» тех, кого изучал, о ком знаешь теперь, кто дышал и жил когда-то. «Ведь воскрешать мертвых ничуть не хуже, а может быть даже лучше, чем лечить живых»¹³. А.А. Зимин формулирует здесь свою вторую максиму: если ты историк, то обязан чувствовать «всем сердцем молчаливый призыв» и единение со своими героями из прошлого. Из этого же железного правила вытекает и другая максима историка: невозможность «насилия над историей» с целью «втиснуть живых людей в стальные оковы схем», любых схем, ибо «одномерных людей не бывает»¹⁴.

Остается сказать о последнем правиле, которое для Зимина всегда было первым: о том, как сладостен ему труд над источником и как ненавистен был подход к прошлому, где идеи и выводы строились «вне», «мимо» исторического *источника*. Много написал он об этом и сам, и те, кто хорошо знал его творчество¹⁵. Именно на этом зиждется строгая и ясная позиция историка Зимина: «Нельзя давать волю безбрежной фантазии: есть широкие и точные рамки (гипотеза) и узкие, но неточные (догадка). В работах по изданию текстов вырабатывалось внимание и чутье к словам и буквам, через которые дух времени проникал в тебя, как воздух. Сидишь, сверяешь описки, а мысль напряженно работает, стараясь понять нюансы текста. Нет, только хлебнув такого конкретного труда над текстами, можно стать сопричастным тому времени, к которому они относятся»¹⁶. Но «сам процесс понимания истины чарующе прекрасен...»¹⁷.

Какой была историческая наука в советский век отечественной истории? Какова история и предыстория создания главного в науке учреждения — Института истории СССР АН СССР (так называлось Отделение истории с 1968 года) — «Храма науки», в котором Зимин был научным сотрудником с 1947 года и до конца жизни? Через рубежи 20-х, 30-х, 40-х, 50-х годов он проведет в книге не только всех, без исключения,

¹⁰ Зимин А.А. Храм науки. С. 38–39. Мотивы этого предисловия отчасти затронуты автором и в главе «Как я стал историком» (С. 56–59).

¹¹ Зимин А.А. Храм науки. С. 38.

¹² Зимин А.А. Храм науки. С. 57.

¹³ Там же. С. 59.

¹⁴ Там же. С. 167–168.

¹⁵ См., напр.: Зимин А.А. Книги о вдохновенном труде историка // Преподавание истории в школе. 1966. № 3. С. 101–105; Его же. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 427–449; Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин — исследователь и педагог // История СССР. 1980. № 6. С. 152–157; Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 177–180, 187–191; Киреева Р.А. Первое вето: о деятельности А.А. Зимина по исследованию и публикации научного наследия В.О. Ключевского // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. М., 1990. С. 107–108; Базанов М.А. К вопросу о методологии источниковедения А.А. Зимина: «источниковедческие системы систем» и работы по проблемам дипломатики // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 2010. С. 140–143.

¹⁶ Зимин А.А. Храм науки. С. 375.

¹⁷ Там же. С. 149.

директоров Института, но и тех, кого называл подвижниками в науке, верными Истине, «раздавленными мощной поступью времени», а также и тех историков, которые в эти десятилетия, служа и подчиняясь режиму и его идеологии, будут стараться, по убеждениям или «по необходимости», отождествить схему марксизма с конкретной историей России. Именно эта, наиболее содержательная часть книги делает ее уникальным и бескомпромиссным историографическим источником.

Всем, кто не понаслышке знает, как труден в вузовском курсе историографии переход к объяснению в юной студенческой аудитории того, что же случилось с первоклассной, одной из лучших в Европе русской исторической наукой после 1917 года, конкретный материал книги А.А. Зимина бесценен. Столь же значима и ясна хронологическая картина развития всей советской историографии вплоть до 1970-х годов, прослеженная ученым и в деятельности высокопоставленных чиновников-историков, и в судьбах отдельных ученых. Важнее, как было уже отмечено, другое: отчетливая ясность обозначенных Зиминим факторов на всем пути, который принято называть советской исторической наукой или, имея в виду созданные труды, — советской историографией. Очевидно, что она должна быть разделена на два больших временных промежутка: довоенный и послевоенный. В каждом из них имелись свои рубежи, зависевшие от политических и идеологических мероприятий и директив правящей партийной власти. Советская историческая наука — более всякой другой — им подчинена, ими определяется и ими «направляется». От них зависят концепции, труды и в конечном счете судьбы историков. В первом, довоенном, времени такими рубежами были «Академическое дело» или «Дело историка-академика С.Ф. Платонова» и других (1929–1931); затем — идеология «Краткого курса» (1938), восстановление преподавания истории, борьба против «школы Покровского» (1934–1939). Во втором большом послевоенном периоде такими рубежными явлениями становятся «борьба с космополитизмом» (1946–1948, 1948–1953), смерть И.В. Сталина и XX съезд партии с последующими дискуссиями в исторической науке (1953–1956, 1950-е годы).

В книге А.А. Зимина все эти факторы и рубежи описаны через призму трудов и судеб конкретных людей, включая его самого.

Первый и главный директор «Храма науки», его создатель — Борис Дмитриевич Греков. Именно он, служа власти, постарается еще в 1930-е годы «построить» историю «Рабства и феодализма в Древней Руси», используя примитивный социологизм марксизма. И хотя полностью «схема Киевской Руси у Грекова явно не соответствовала общей теории марксизма о смене формаций (рабовладение исчезало)», «покладистый» Борис Дмитриевич «...получил высочайшее (молчаливое) соизволение на шалость в теории (ведь речь шла о седой старине) в благодарность за преданность»¹⁸. Б.Д. Греков сделался своеобразной «иконой», «...трамплином, от которого отталкивались историки двух следующих поколений. Только теперь, — добавляет Зимин, — стало ясно, что *исходить-то надо не от Грекова, а от источника*» (курсив мой. — А.С.)¹⁹. Другой директор в «Храме науки» — феномен Аркадия Лавровича Сидорова (с 1937 года — в числе руководителей Института истории, в 1953–1959 годах — его директор), воспитателя школы советских «историков империализма». А.А. Зимин подробно пишет о пути А.Л. Сидорова, непростого «буреломного человека с широкой душой» к директорскому «трону». Он прошел через разгром «школы Покровского» (1939), когда-то учившего его в Институте красной профессуры, через литании «Краткого курса истории ВКП(б)» И. Сталина, через ранение на фронте в 1941 году, наконец, через «борьбу с космополитами» (1948), в которой А.Л. Сидоров «...выступает в авангарде наступления на тех, кто покушался на чистоту марксизма-ленинизма»²⁰. Его собственная, достаточно эклектичная, теория о России как «среднем звене мирового империализма» и

¹⁸ Зимин А.А. Храм науки. С. 41–42.

¹⁹ Там же. С. 42–43.

²⁰ Там же. С. 45.

«полукOLONиальной стране» мало чем поможет в будущем его талантливый ученикам, развернувшим в конце 1960-х — начале 1970-х годов дискуссию о предпосылках и природе Октябрьской революции, самую, пожалуй, в советские времена интересную и безжалостно задушенную.

Описаны в «Храме науки» и пути всех других директоров Института истории²¹, включая тех, для которых «таинство псевдонаучности», помноженное на «притягательную силу власти», вершат зло в науке. Взяв за основу «модель» «Храма науки», автор как будто разворачивает перед нами все, что к нему относится: его внутреннее содержание, его «управителей», его жизнь в обществе.

В главе «Служители феодального культа» и фрагментах некоторых других глав автор обращается, в частности, к жизни историков сектора феодализма Института истории, специалистов-исследователей русского средневековья, то есть к истории «стариков», тех, кто принадлежал к поколению его учителей, тех, кто остался в профессии после всех, по ассоциативному выражению автора, «переборов людишек». В 1920-е годы «...отечество жило настоящим и будущим, а старики годились лишь на полную переплавку. <...> Тихие пришибленные ученые старались делать вид, что ничего не произошло. А молодежь уходила из-под их контроля, тянулась к глобальным построениям. И только некоторые грелись у потухающих костров»²². Очерки жизни и творчества в советское время Сергея Владимировича Бахрушина, Александра Игнатьевича Андреева, Ивана Александровича Голубцова, Николая Георгиевича Бережкова, Арсения Николаевича Насонова, Степана Борисовича Веселовского (в отдельной главе «Несравненный Степан Борисович») написаны Зиминим пронзительно, с любовью, с благодарной почтительностью ученика и восхищением молодого ученого. «Секторские “старики” для меня остаются недостижимым эталоном честного и подвижнического служения науке. Раздавленные мощной поступью времени, они где-то в самых основах жизни сохранили бескомпромиссность, трепетное отношение к Истине. Пусть в своем миниатюрном мире. Но в мире абсолютных ценностей...»²³.

Двадцатые годы с их отсутствием интереса в новом обществе к историческому прошлому страны, с политикой вытеснения «старых специалистов» молодыми марксистами завершились чудовищным «Академическим делом» 1929–1931 годов. «И вот разгром 1930 года, — пишет Зимин, — «Дело историков». Старики отправились вместе с С.Ф. Платоновым в далекие края (среди них С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, М.К. Любавский, В.И. Пичета и другие). <...> Удар по Петербургу был особенно силен. До революции столица славилась европейским уровнем источниковедения (А.С. Лаппо-Данилевский, А.А. Шахматов)... После 1930 года остатки былого величия были ликвидированы»²⁴. Довершает картину катастрофы в отечественной исторической науке эмиграция питерцев Г.В. Вернадского, Л.М. Сухотина, Е.Ф. Шмурло, москвичей П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера; ссылки Б.А. Романова, А.И. Андреева, А.И. Яковлева, молодого Л.В. Черепнина. Зная этот рубеж и то, как он отразился в фактах жизни своего учителя С.В. Бахрушина и в целом в судьбах других историков, Зимин уже, конечно, не мог не относиться тепло к своим уцелевшим «секторским старикам».

А.А. Зимин отмечает также и другой, не менее жесточайший для историков рубеж — начавшаяся с 1948 года кампания борьбы с космополитизмом, «крестоносная борьба с неверными». Под ее каток вновь попадают талантливые и незащищенные — К.В.

²¹ Например, высоко оцененная А.А. Зиминим деятельность П.В. Волобуева: «Павел Васильевич — единственный из начальников Института, который не был ни первосвященником в храме, ни паном-директором кабачка. Он был человеком» (Зимин А.А. Храм науки. С. 54).

²² Зимин А.А. Храм науки. С. 60–61.

²³ Там же. С. 70. Хотелось бы особенно обратить внимание на эти слова тех, кто ныне так торопится обвинять «Храм науки» и его автора в грубости и оскорблениях.

²⁴ Там же. С. 61.

Базилевич, А.И. Андреев (по оценке Зимина, «незабываемая страница в истории отечественного источниковедения и археографии») и другие ²⁵.

Испытания, выпавшие на долю представителей исторической науки, не могли не сказаться на следующем, среднем, поколении. Отдельных (лучших!) из них Зимин видит и описывает, с ними общается по работе в секторе феодализма Института истории. Так, Е.Н. Кушева («совесть нашего сектора») вынуждена «воспринять новое как неизбежную поступь жизни», талантливый исследователь древностей Н.В. Устюгов считает нужным «делать то, что требовало время»...). В книге очень интересны главы-«портреты» М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, с именами которых связаны 50–60-е годы советской историографии отечественной медиэвистики. Эти «портреты»-персоналии, безусловно, останутся среди важнейших в историографической отечественной литературе.

А.А. Зимин писал и о некоторых молодых историках, в том числе очень тепло и о своих учениках, и о тех, кто заполнил в военных гимнастерках вузовские аудитории сразу после Великой Отечественной войны. «Сыны надежды» назвал Зимин одну из самых проникновенных глав, посвященную «кровавопролитным дискуссиям» историков рубежа 60–70-х годов об империализме как «кануну» или «не кануну» Октября. В центре ее деятельность и судьбы П.В. Волобуева, А.Я. Авреха, К.Н. Тарновского. Написанные Тарновским очерки советской историографии империализма синтезировали «все новое, что было в нашей науке об империализме», показывали «взаимосвязь всех наиболее честных и компетентных трудов». Единомышленники «выступали в его работе, как единая когорта на смертный бой с догматизмом, ложью, глупостью и невежеством. <...> Ведь надо же! В цитадели мрака они пробудили надежду на торжество света. Они добились, чтоб треть сотоварищей стала на их сторону (хоть на время)...» ²⁶.

В некоторых главах опыт научной и многолетней преподавательской деятельности дал автору дополнительный материал не только для описания «цеха феодалов», но и для размышления о подготовке историков в вузах своего времени, об учениках учеников ²⁷, об архивах, о темах диссертаций молодых историков в столицах и провинции, — обо всем, что также является историографическим источником.

В статье я совершенно сознательно отстраняюсь от тех сюжетов и глав книги (в основном это материал 1960-х — самого начала 1970-х годов), которые содержат крайне резкие, негативные и порой оскорбительные характеристики современников автора. Такой моей позиции есть несколько объяснений. Прежде всего, Зимин сам предупредил об этом своих будущих читателей: «Заранее предупреждаю читателя, что мой рассказ субъективен. Пристрастен, и даже очень. Мне бы хотелось, чтоб его рассматривали всего только как свидетельство одного из современников описываемых событий и людей — и только» ²⁸. Во-вторых, отношения автора со своими сверстниками — это его отношения с ними; в любом случае — это уже жанр мемуаристики, а книга не может нам быть интересна именно и только этим, она гораздо глубже, как мы пытались показать в нашем анализе. Пишет ее А.А. Зимин, по собственному признанию, потому, что «...лет через 50 будет очень трудно разобраться в борьбе страстей, в обстоятельствах, вызывавших появление тех или иных трудов» ²⁹. В приведенных словах видится своего рода историографическое завещание автора «Храма науки».

²⁵ Зимин А.А. Храм науки. С. 65–67.

²⁶ Там же. С. 248–249. Из всех названных А.А. Зиминым историков, участников тех событий, я знала лично только Константина Николаевича Тарновского и могу свидетельствовать об абсолютной справедливости характеристик, данных ему в этой главе автором книги.

²⁷ См., напр.: Севастьянова А.А. Ученичество в историографическом пространстве 1960–1970-х годов: А.А. Зимин, В.Б. Кобрин // Историк в России: между прошлым и будущим: статьи и воспоминания / под общ. ред. В.П. Козлова. М.: РГГУ, 2012. С. 516–517.

²⁸ Севастьянова А.А. Ученичество в историографическом пространстве 1960–1970-х годов: А.А. Зимин, В.Б. Кобрин. С. 37. Зимин называет здесь себя «видок и послух», как называли в древнерусских текстах свидетеля и поручителя.

²⁹ Там же.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Александр Александрович Зимин [Текст] : биобиблиографический указатель / сост. В.И. Гульчинский ; вступ. ст. С.М. Каштанов ; РГГУ, Ист.-арх. ин-т. — М., 2000. — 192 с.
2. Александр Александрович Зимин [Текст] / сост.: В.Г. Зими́на, Л.Н. Простоволосова ; РГГУ, ИАИ. — М., 2005. — 166 с.
3. Зимин, А.А. Слово о полку Игореве [Текст] / отв. ред. В.Г. Зими́на, О.В. Творогов. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. — 516 с.
4. Историк в России: между прошлым и будущим : статьи и воспоминания [Текст] / под общ. ред. В.П. Козлова ; РГГУ. — М., 2012. — 754 с.
5. Кобрин, В.Б. Кому ты опасен, историк? [Текст]. — М. : Московский рабочий, 1992. — 224 с.
6. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века [Электронный ресурс] / сост. А.Л. Хорошкевич. — М. : Аквариус, 2015. — 440 с. — Режим доступа : http://pimbook.su/pimbook.su/Zimin_438.html
7. Хорошкевич, А.Л. Работа души и работа над стилем. История текста публикуемой редакции рукописи А.А. Зими́на «Храм науки» [Электронный ресурс] // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. — М. : Аквариус, 2015. — 440 с. — Режим доступа : http://pimbook.su/pim-book.su/Zimin_438.html.

REFERENCES

1. Aleksandr Aleksandrovich Zimin [Text] : biobibliograficheskiy ukazatel'. — Bibliographic Index / redactor V.I. Gul'chinskiy ; prolusion S.M. Kashtanov ; RGGU, Ist.-arkh. in-t. — M., 2000. — 192 p.
2. Aleksandr Aleksandrovich Zimin [Text] / redactor: V.G. Zimina, L.N. Prostovolosova ; RGGU, IAI. — M., 2005. — 166 p.
3. Zimin, A.A. Slovo o polku Iгореve [The Tale of Igor's Campaign] [Text] / executive editor V.G. Zimina, O.V. Tvorogov. — SPb. : Dmitriy Bulanin, 2006. — 516 p.
4. Istorik v Rossii: mezhd u proshlym i budushhim : stat'i i vospominaniya [Historian in Russia: Between Past and Future: articles and memories] [Text] / ed. by V.P. Kozlov ; RGGU. — M., 2012. — 754 p.
5. Kobrin, V.B. Komu ty opasen, istorik? [Who are you dangerous, a historian?] [Text]. — Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1992. — 224 p.
6. Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennykh istorikov vtoroy poloviny XX veka [The fates of the creative heritage of Russian historians of the second half of the 20th century] [Electronic resource] / red. A.L. Khoroshkevich. — Moscow : Akvarius, 2015. — 440 p.
7. Khoroshkevich, A.L. Rabota dushi i rabota nad stilem. Istoriya teksta publikuemoj redaktsii rukopisi A.A. Zimina «Khram nauki» — The work of the soul, and work on the style. The history of the text published by the editors of the manuscript of A.A. Zimin "Temple of Science" [Electronic resource] // Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennykh istorikov vtoroj poloviny XX veka — The fate of the creative heritage of Russian historians of the second half of the 20th century / compiled by AL Horoshkevich. — M. : Aquarius, 2015. — 440 p. — Mode of access : http://pimbook.su/pimbook.su/Zimin_438.html.

A.A. Sevastyanova

**THE MAXIMS OF ALEXANDER ZIMIN:
ABOUT THE BOOK “KHRAM NAUKI” (“THE SHRINE OF SCIENCE”)**

The article analyzes a recently published work by A.A. Zimin, namely the book titled “The Shrine of Science”. The author of the article treats the book as a unique historiographic source about historical science in the Soviet Union on the example of the Institute of History of the Russian Academy of Sciences. The article analyzes professional principles and requirements applicable to a historian. The article uses the book to analyze the life and work of some Soviet historians against the background of political and ideological campaigns of the 1930s, the 1940s and the post-war years.

A.A. Zimin, historiography of Russian history, historian, maxims as principles, Soviet historical science.